

ла «Зритель» за 1906 год стихотворение «Веселая деревенская песня» (датируется 4 декабря 1905 года). Авторство указано Сологубом в алфавитной картотеке стихотворений: «С Корехин<ым>», и в погодичной росписи опубликованных произведений.⁶²

В 1907 году Корехин вновь просил Сологуба помочь с устройством текстов: «Присылаю Вам еще два моих стихотворения и прошу Вас предложить для напечатания в какую-нибудь из знакомых Вам редакций».⁶³ В сентябре 1908-го Сологуб упоминает Корехина в письме к А. Ф. Ярославцеву, секретарю редакции журнала «Метеор» и сотруднику редакции журнала «Волжские дали» (Казань): «Многоуважаемый Авенир Федорович <...> мне будет приятно следить за развитием Вашего столь интересного предприятия. — Посылаю Вам при этом 2 стихотворения, — одно мое, и второе одного из моих друзей. Гонорар за первое 40 рубл.; за стихи В. И. Корина прошу уплатить по существующей у Вас оценке».⁶⁴

Это, пожалуй, все, что известно нам о литературной карьере Корехина.

Начальный этап — этап вхождения в писательский мир, важный для литературной репутации писателя — характеризуется не только первым впечатлением, которое он производит на публику. Окружение зачастую определяет дальнейший путь автора: издания, в которых он печатается, «друзей» и «врагов». Некоторые впоследствии пробивают себе дорогу дальше, но многие, оказавшись в свите «литературного генерала», в воспоминаниях современников фигурируют только как их протеже. Несмотря на помощь Сологуба и удачные, казалось бы, попытки связаться с Коринфским, Брюсовым, Блоком и войти в круг литераторов, посещая литературные вечера, Корехин так и остался малоизвестным автором двух сборников стихов, печатавшимся по большей части в периодических изданиях (куда зачастую попадал по протекции Сологуба).

⁶² Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения и поэмы 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. С. 634 (сер. «Литературные памятники»).

⁶³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 352 б. Л. 6.

⁶⁴ Там же. № 800. Л. 5. Журнал «Волжские дали» выходил в Казани в 1908 году, всего появилось 18 выпусков. Стихи Сологуба помещены в двух октябрьских номерах: «Под сенью тилий и темал...» (Вып. 12. С. 15) и «Сладко ты благоухаешь...» (Вып. 13. С. 11). Там же было опубликовано стихотворение Корехина «Ах, зачем одним намеком...» (Вып. 13. С. 12).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-55-66

© А. С. АЛЕКСАНДРОВ

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ — СОТРУДНИК И РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ» В 1911–1917 ГОДАХ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)*

Сотрудничество А. Л. Волынского (1861–1926), известного теоретика искусства, балетного, театрального и литературного критика, с газетой «Биржевые ведомости» — ведущим массовым изданием начала XX века — не

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критик — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

становилось еще предметом всестороннего специального исследования.¹ Между тем начиная с 1911-го вплоть до начала 1918 года его творческая деятельность тесно связана с литературно-критическим и театральным отделом этого печатного органа. В настоящей статье на основе архивных разысканий мы сделаем ряд важных уточнений о работе Волынского в «Биржевых ведомостях» с момента вступления в ряды сотрудников этого издания, но главным образом сосредоточим фокус нашего исследования именно на последнем периоде участия в газете, приблизительно с середины 1916 года, когда Волынский стал во главе литературно-критического отдела, сменив на этом посту А. А. Измайлова, проработавшего в отделе с 1898 года.

Постоянное сотрудничество Волынского в «Биржевых ведомостях» начинается с предложения о работе в этом печатном органе, по части написания обзорных и критических статей о балетных спектаклях, которое Волынский получил в начале 1911 года от одного из редакторов газеты В. А. Вонди. Примерно полгода, по словам критика, ушло на обдумывание поступившего к нему предложения,² и в итоге оно было принято.

Редакционная политика в газете «Биржевые ведомости» — либеральном массовом издании — была ориентирована на самые широкие читающие слои городского населения. Издание давало своим читателям самую широкую информацию о культурной, литературной и театральной жизни столицы. Беллетристический отдел был представлен именами первого ряда прозаиков и поэтов начала XX века; в литературно-критическом отделе публиковались обзорные фельетоны и рецензии на все книжные новинки; театральный отдел, специализирующийся прежде всего на драматических спектаклях, предлагал читателям обзор не только серьезных постановок крупных театральных площадок Петербурга, но нередко и рецензии на спектакли театров миниатюр и кафешантанов.

Отдельного раздела, посвященного музыкальным, оперным и балетным премьерам, в газете не было. Случайные редкие разборы постановок Мариинского театра, получивших мировое признание, безусловно, не могли удовлетворить крупное массовое издание. Появление в газете с сентября 1911 года постоянного раздела, освещающего хореографические новинки, позволило изданию заполнить существующую лакуну в информационном освещении культурной жизни столицы, а также привлекло к колонкам издания новых читателей, интересующихся миром танца.

Волынский к этому времени — известный литератор, имеющий большой опыт работы редактором ряда периодических изданий, и обозреватель ряда газет и журналов по широкому кругу вопросов литературы, искусства и театра. В писательских кругах хорошо знали об увлечении Волынского балетом, поэтому поступившее деловое предложение было вполне закономерным.³

¹ Отдельные эпизоды взаимодействия Волынского с «Биржевыми ведомостями» рассматриваются в монографии Е. Д. Толстой «Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского» (М.; Иерусалим, 2012; см. параграфы «Балет» и «Возвращение в литературу»), а также во вступительной статье Г. Н. Добровольской «Поэт и летописец русского балета» (*Волынский А. Л. Статьи о балете: [Очерки, эссе] / Сост., вступ. статья, комм., список статей Г. Н. Добровольской. СПб., 2002. С. 5–38.*)

² Об этом Волынский сообщил в письме к С. М. Пропперу от 3 ноября 1914 года (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1).

³ См., например, в воспоминаниях М. М. Фокина: «Думая все более о балете и ведя о нем беседы как с артистами, так и с учениками, я пришел к заключению, что если привлечь к обсуждению вопросов балета людей высокообразованных, литераторов, ученых, хотя бы и не специалистов по данному искусству <...>, то это может взбудоражить наш балетный мир и способствовать более сознательному отношению к искусству. Такая мысль возникла у меня еще и потому, что мой приятель С. Осипов рассказал мне, как в семье режиссера Александринского театра Ю. Озаровского <...> он встречался с писателем А. Л. Волынским. Волынский, по его словам, любил говорить и прекрасно говорил о балете» (*Фокин М. М. Против течения: Воспоминания балетмей-*

Дебютной и одновременно программной статьей Волынского в «Биржевых ведомостях» становится его теоретическая работа «Священнодействие танца», где продвигается мысль о смысловой наполненности хореографического искусства: «Нет па без мыслей, или вернее сказать, каждое балетное па, сочетанием своих линий и движений, несет с собою определенную идею, из мира души и фантазии. <...> Так называемые классические танцы с их особенными формами, от первой буквы балета пуанта, до головокружительно-сложного и стихийно-увлекательного фуэте, являются средоточием огромного богатства пластических идей, еще не изученных и не разгаданных в своем действительном содержании».⁴ С этого времени и вплоть до закрытия газеты в 1917 году Волынский становится летописцем балетной жизни Петербурга, не пропуская ни одного значимого события в мире танца. Он пишет о классических постановках на императорской сцене («Баядерка», «Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Дон Кихот»), посвящает свои статьи солистам А. П. Павловой, М. Ф. Кшесинской, Т. П. Карсавиной, О. О. Преображенской, О. А. Спесивцевой, А. Я. Вагановой, пишет обзорные и теоретические материалы, полемизирует с новациями М. М. Фокина, А. А. Горского, Б. Г. Романова, Ф. В. Лопухова и др. в области хореографии.

Начиная с сентября 1911 года Волынский педантично готовит по 3–4 статьи в месяц. Несмотря на всю эксклюзивность подготавливаемых критиком материалов нередко они несправедливо «задвигались». После очередной задержки срочного материала Волынский направляет письмо к Бонди, изливая подробно свои ламентации и в том числе описывая специфику работы: «Вот уже в третий раз за последний месяц, как Вы откладываете срочные статьи мои, писанные сейчас после спектакля. Размер их поистине мизерабельный, так что явление это приходится считать выражением известного индифферентизма к моему литературному труду. Но сотрудничество в газете устанавливает определенные моральные обязательства по отношению к публике, ее читающей и приобретающей полезные и для газеты, и для писателя привычки. Это тот контакт между литератором и читателем, от которого, если говорить правду, больше всего выигрывает, в конце концов, издатель или редактор. Во всяком случае, только ради этого установившегося союза с читателем я и пишу после спектакля, иногда до утра, сплю по два-три часа не раздеваясь, ревизую корректуру, чтобы на страницу „Биржевых ведомостей“ не допустить и лишней запятой».⁵

Это письмо — важное свидетельство о тех сложных мыслительных процессах и усилиях, которые Волынский предпринимал, составляя свои обзоры балетных спектаклей. Работать приходилось по ночам, чтобы, придя вечером со спектакля, успеть записать свои впечатления от постановки, не упустив важных деталей мимолетного танца, сохранив его словесный образ для читателей газеты, артистов и постановщиков. В силу своего характера, одной из главных черт которого была исключительная точность и аккуратность, Волынский в работе для «Биржевых ведомостей» сталкивался с несправедливым отношением к своему труду. Отдавая приоритет общественным и политическим новостям, редакторы издания нередко отодвигали на второстепенные позиции материалы, касающиеся культурной жизни. Такие публикации

стера. Сценарии и замыслы балетов. Статьи, интервью и письма / Вступ. статья и комм. Г. Н. Добровольской. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1981. С. 80). Ср. также запись в дневнике Ф. Ф. Фидлера: «Встретил на Аничковом мосту Волынского-Флексера <...> и спросил его: „Значит, Вы пишете в «Биржевых Ведомостях» о балете?“ — „Да, я уже много лет увлекаюсь балетом“» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеристики и суждения / Изд. подг. К. Азадовский. М., 2008. С. 564).

⁴ Волынский А. Л. Священнодействие танца: Балет // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1911. 17 сент. № 12536. С. 4–7.

⁵ Волынский А. Л. Письмо к В. А. Бонди // РНБ. Ф. 90. Ед. хр. 3. Л. 1 (предположительная датировка — конец 1911 года).

могли откладывать от номера к номеру, нередко сокращать в угоду новостям насыщенной политической жизни 1910-х годов.

В письме от 27 июня 1913 года к редактору «Биржевых ведомостей» М. М. Гаккебушу Волынский на очередную несправедливость по отношению к его работе в ультимативной форме заявил: «Я хочу просить Вас либо совсем не печатать моих статей, либо печатать их целиком, ибо всякое хотя бы и незначительное на взгляд метранпажа сокращение вносит в мою работу невозможную дисгармонию. Так, из вчерашней статьи выброшено около двенадцати строк, от чего последовательность и доказательность изложения в двух принципиально важных местах пострадала. При этом я не говорю уже о пропавших оттенках стиля. Вы должны знать, Михаил Михайлович, что до сдачи статьи в редакцию я просматриваю ее внимательно, переписываю, безжалостно уничтожаю все, без чего можно обойтись. А то, что остается, то нужно для дела. Конечно, я предпочел бы увидеть статью на следующий день, чем в срок, но с абсолютно для меня неудобными купюрами».⁶

Конфликт Волынского с редакцией газеты постепенно нарастал. Задержки написанных материалов, бесосновательное сокращение статей рефреном повторяются в немногих сохранившихся письмах к руководителям «Биржевых ведомостей». Очевидно, таких претензий было на порядок больше, многие высказывались устно, а письма отразили наиболее острые случаи, которые стоило решать через официальное обращение. Прикладывая немалые усилия, опыт, знания, талантливый критик вывел обзор балетных спектаклей на небывалый уровень, подняв интерес у широкой читательской аудитории к хореографическому искусству. Особую роль Волынский сыграл в профессионализации балетной критики в журналистике, задав своими обзорами высокую планку анализа балетного спектакля и привив моду на подобные рецензии в информационном поле. Между тем к началу Первой мировой войны, после четырех лет сотрудничества в газете, положение Волынского в редакции оставалось не очень прочным. Он был внештатным сотрудником на почасовой оплате — и с таким положением дел было сложно примириться. Трезво оценивая свой вклад в развитие газеты, Волынский пишет обстоятельное письмо издателю «Биржевых ведомостей» С. М. Пропперу, ходатайствуя об изменении своего положения: «Я хотел просить Вас пересмотреть и решить в окончательной форме вопрос о моем постоянном сотрудничестве в „Биржевых ведомостях“. Своей теперешней конструкции сотрудничество это сохранить не может. Начать с того, что получаемый мною гонорар обидно мал и не идет ни в какую параллель с гонораром, получаемым мною в других изданиях. Пятнадцать копеек со строки можно платить бойкому репортеру, а не литератору, который вкладывает в свою работу не только сложные знания и строгую научную подготовку, но и кровь нервов, потому что на пути балетной критики — смею Вас уверить — „Биржевым ведомостям“ пришлось не только разяснять публике, что она стоит здесь лицом к лицу с одним из подвигов славянского гения, но и, просто говоря, прокладывать честные дороги среди протитудационного кошмара, окутавшего Мариинский театр. <...> Четыре года труда, как один день. Отдав жизнь искусству и борясь на протяжении всей моей карьеры за идеалистический пафос русского творчества, я считал и считаю высоким делом — на живом примере показать, каких высот оно достигло здесь, какую целомудренную красоту и прелесть оно проявило тут по соседству с литературой. По соседству с литературой, кстати сказать, из года в год терявшей свой иконописный лик. Но сейчас статьи о балете стали уже появляться во всех столичных изда-

⁶ Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу. 27 июня 1913 года // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 1. Речь идет о сокращении статьи «Красносельские спектакли: О. А. Спесивцева в балете „Рыцарь и фея“» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1913. 27 июня. № 13613. С. 4–5).

ниях. Благодаря инициативе „Биржевых ведомостей“ общество прислушивается ныне к тому, что говорится в разъяснение пластических форм танца разумного и обоснованного. Лично я располагаю доказательствами, что статьи мои читаются не только в кругах балетоманских, среди буржуазии столицы, но и в классах общества, стоящих гораздо выше ее по своему социальному весу, по своей интеллектуальной воспитанности. Даже в официальном журнале Театра было еще в прошлом году указано на значение предпринятой мною в „Биржевых ведомостях“ критической работы.

Пишу Вам все это, Станислав Максимилианович, без самолюбивой оглядки на собственный труд. Просто, как сотрудник газеты, считаю своим долгом использовать повод и рассказать Вам о некоторых, уже одержанных нами победах на чистом пути критики. Общество стало слушать нас. Оно читает наши обзоры. Многие деятели из административного аппарата театра даже шевельнулись нам на встречу. Стало быть, мы трудились все это время не напрасно.

И однако положение мое в газете я считаю для себя сейчас почти не переносным. Гонорар невозможно мал. М. М. Гаккебуш ссылаясь на Вас кроме того и говорил на этих днях, что Вы находите критику балета в настоящее время как бы даже и не нужною совсем. Пишу я для „Биржевых ведомостей“ сейчас в минимальном размере: всего лишь два раза в месяц. Но, может быть, Вам хотелось бы в самом деле и совсем положить крест на этот отдел газеты, упразднить в конец завоеванную ею позицию. Тогда мне это необходимо знать немедленно. С чувством горькой досады на обстоятельства пришлось бы перенести всю свою литературную деятельность в другое издание. <...> Не допускаю даже и мысли, что вопрос идет в сущности об упразднении отдела балетной критики в Вашей газете совсем из-за войны. Стрельба немецких пулеметов одержала бы в таком случае настоящую победу — ужасную победу — если бы ей удалось истребить хотя бы на короткое время в душе русского человека интерес к искусству. Но — слава Богу — несмотря ни на что, несмотря на льющуюся кровь, в тылу русской армии работа не только кипит по-старому, но даже осложняется новыми задачами. Иные прозрения и догадки. Иные упоения и восхищения. Дух поднимается. И кто не воюет мечом, раздувает сильнее прежнего угли внутри себя».⁷

Несмотря на такое обстоятельное и аргументированное письмо, положение Волынского в газете не изменилось. С 1914 по 1916 год он по-прежнему оставался на построчном окладе. Но разрыва с изданием не произошло отчасти потому, что, по заверениям И. И. Ясинского, в „Биржевых Ведомостях“, до конца их бытия, гонорар и заработная плата стояли выше, чем в других периодических изданиях».⁸ При всех недостатках, неизбежных при работе в газете, Волынскому предоставляли печатные площади для его обзоров, в иные месяцы ему удавалось опубликовать до восьми статей и заметок.

Разразившаяся война внесла коррективы в информационную повестку дня и редакционную политику ведущих общественно-политических периодических изданий. По решению Проппера, считавшего, что «когда гремят пушки, имеет значение только газета»,⁹ был закрыт ежемесячный журнал-приложение к «Биржевым ведомостям» «Новое слово», а в самой газете основные полосы отданы сводкам с театра военных действий. Столбцы газеты запестрели заметками с фронта, аналитическими обзорами военного положения, политическими и экономическими новостями. Однако и в этом потоке

⁷ Волынский А. Л. Письмо к С. М. Пропперу. 3 ноября 1914 года // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1–2.

⁸ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 517.

⁹ Там же. С. 565.

актуальной информации находилось место освещению литературной, культурной и театральной жизни города. Интеллектуальная жизнь столицы шла своим чередом, на представителей творческих профессий возлагалась особая ответственность в столь сложный для страны момент. В одном из писем к Гаккебушу Волынский высказал свое видение функции газеты, ее назначения, в частности, отмечая: «Сами видите, как сенсационны мои темы по настоящему моменту. Завтрашняя статья подкрепит сегодняшнюю. Ведь сегодняшняя только вывод из нее. Трудно сейчас сделать учет впечатлений. Но будущее покажет, что мы трудились с Вами не даром. Чтобы прочно стоять на высоте, надо говорить и к той интеллигенции, которая ищет в газете касаний к струнам существенной культуры. Да и победа на поле сражения ведь зависит не от пуль, шрапнелей, артиллерийского огня. Если Европа вся целиком до сих пор не может победить Германию, то это потому, что там наука и знания, каких нигде нет. Россия же погружена в невежество по горло. Пафос ее пока только эмоциональный. А чтобы быть могучим, он должен одухотвориться прежде всего элементом интеллектуальным. Давайте же работать в этом направлении. Сейчас именно это нужно. Публика ловит каждое обдуманное слово, особенно если оно связано с горением лучей волевых. Собственные же Ваши мысли — я замечал это не раз — часто возносятся над заурядным газетным содержанием, которому цена грош».¹⁰

В этом письме речь идет о летнем цикле статей, первую из которых Волынский посвятил итальянскому философу Винченцо Жиоберти, подвергнутому в свое время «критике гальские элементы европейской культуры», противопоставив их германским. В четырех статьях был представлен анализ шедевров Микеланджело Буонарроти — скульптуры «Моисей» и изображения пророков на плафоне Сикстинской капеллы. В заметке «Сеется тело душевное» автор рассуждал о религиозных войнах еврейского народа, направленных в первую очередь на защиту не территории, а духовного бытия. В заключительной статье летнего цикла, вышедшей в середине сентября перед началом нового театрального сезона, Волынский в пандан своему письму к Гаккебушу рассуждал о роли прессы в период войны, отмечая ее особое значение.¹¹

С сентября 1915 года были возобновлены обзоры балетных спектаклей. При достаточной высокой публикационной активности Волынский так и не стал штатным сотрудником газеты и не имел постоянного оклада — это обстоятельство вносило определенный нерв в его отношения с редактором Гаккебушем. 13 декабря 1915 года Волынский направил ему развернутое письмо, которое проливает свет на работу критика и положение в газете в конце 1915 года: «Нет надобности вести разговор по существу. Но держась даже только формальной стороны дела, я мог бы сказать, что раз не упразднены на время войны театры и газеты уделяют им внимание, статья моя о Фокине имела право появиться в определенный срок. Даже о „Кривом Зеркале“, учреждении сейчас никому не нужном, я находил у Вас статьи, размером своим превосходящие мои заметки. Но это, конечно, дело Ваше. Пишу же я настоящие строки единственно для того, чтобы просить Вас не ждать от меня никаких статей по общекультурным вопросам. Вот та атмосфера, в которой мне работать трудно. Аккуратность моя известна всем. Пакеты с моими заметка-

¹⁰ Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу. Июль 1915 года // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 7.

¹¹ Волынский А. Л. 1) Жиоберти // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 4 июня. № 14883. С. 2; 2) Вождь народный // Там же. 8 июня. № 14891. С. 2; 3) Лучи света // Там же. 9 июня. № 14893. С. 3; 4) Кедр Ливана // Там же. 22 июня. № 14919. С. 2; 5) Сеется тело душевное // Там же. 8 июля. № 14951. С. 3; 7) Гимн Солнцу // Там же. 9 июля. № 14953. С. 2; 7) «Quos ego!» // Там же. 16 сент. № 15091. С. 2.

ми кладутся на Ваш стол в определенные часы. Так было летом со статьями об искусстве. Так было бы и в течение этой зимы. Но Вы с самого начала взяли по отношению ко мне линию, охладившую мой пыл, парализовавшую мою работу. Не забудьте, пожалуйста, что я просил Вас фиксировать ее определенным образом, ввести в рамку, назначить мне определенный оклад. Тогда я писал бы, сколько Вам захотелось бы. Могу по совести сказать: мозг мой объят пламенем. Столько тем, столько горений и волнений. Будьте психологом и поймите меня: я пишу к Вам в последний раз. Но я не добился от Вас ничего. Потому не подавал Вам никаких статей общелитературного характера. Трудно было перешагнуть через обиду, которая чувствовалась остро. Ограничивался и ограничиваюсь балетом. С этого же дня буду и о балете писать еще реже, еще короче, откликаясь только в минуты необходимости. Вообще сведу мое участие в „Биржевых ведомостях“ к минимуму».¹²

Вряд ли все эти ламентации Волынского привели бы к кардинальному улучшению его положения, если бы не кадровые перемены, произошедшие в издании в 1916 году.

В марте–апреле становится известно об уходе на пост редактора в «Петроградский листок» бессменного (с 1898 года) театрального и литературного критика А. А. Измайлова, ведшего литературно-критическую фельетон в газете и «обслуживавшего» все наиболее важные события и даты литературного мира.¹³ Сложившееся в редакции газеты положение позволило Волынскому обратиться к Гаккебушу с деловым предложением: «Уполномочьте меня оборудовать в „Биржевых Ведомостях“ литературно-критический отдел с систематическим обзором новинок журнального и книжного рынка. Могу при этом со спокойной совестью заверить Вас, что, при широком знакомстве с кругом пишущих людей, мне удастся организовать в газете такую библиографию, какую другие столичные издания до сих пор не располагают. Я выдвину вперед темы для пересмотра всего, что сделано за последние 20 лет в области культуры духа, для справедливого суда над последними этапами беллетристического творчества в России и т. д. Конечно, трудно в письме очертить весь мой план полностью: для обсуждения этого вопроса требуется разговор обширный, лицом к лицу, при снятой даже с аппарата телефонной трубке. Но я пишу эти строки только для того, чтобы предложить Вам свои услуги и познания. Имею в виду при этом — само собой — не один лишь собственный труд литературно-философского критика, но и участие многих других лиц под бдительным моим контролем».¹⁴

Кадровое положение в «Биржевых ведомостях» весной 1916 года осложнилось тем, что вслед за Измайловым газету покинул Гаккебуш, перешедший в «Русскую волю».¹⁵ Предложение Волынского было принято. Дальнейшие

¹² Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу. 13 декабря 1915 года // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 4.

¹³ О его работе в «Петроградском листке» см.: Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

¹⁴ Волынский А. Л. Письмо к М. М. Гаккебушу // ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 22. Л. 7 (предположительно от марта–апреля 1916 года).

¹⁵ Причины ухода Гаккебуша Ясинский проясняет в письме к Измайлову от 30 апреля 1916 года: «Относительно „Биржевых Ведомостей“ темна вода во облаках. Гаккебуш хотел, по видимому, выпереть Проппера и устраивал всю эту комбинацию при посредстве Стембо. Но потеря власти Пропперу не улыбается. Еще не далее, как третьего дня, Проппер накупил на миллион с четвертью акций бумажной фабрики. Гаккебушем недовольны все Пропперы. Высокие цифры тиража — дутые цифры. Тираж всего 40–50 тысяч. И это было бы хорошо, если бы он принудительно не набирался за счет Второго издания, смысла которого совершенно не понимает Гаккебуш, человек бездушный. Соответственно уменьшился тираж Второго издания, которое быстро падает. Убыток от 1 издания равняется уже 700 т<ысячам> (точная цифра). Между прочим, особенно заинтересовало Проппера, как мне сообщил Макс<имилиан> Станиславович, честолюбивое мечтание Гаккебуша сделаться через газету членом Государственной Думы. Так как, мне

переговоры об организационной работе библиографического и литературно-критического отдела Волынского пришлось вести напрямую с Проппером. В архиве критика сохранилось обстоятельное письмо к владельцу газеты, где он подробно излагает свои планы, приведем его полностью.

«Глубокоуважаемый Станислав Максимилианович,

Чтобы не откладывать дела на неопределенный срок, я хотел бы сегодня же сообщить Вам, в общих чертах, все, что предпринято мною в интересах литературно-политического отдела газеты, редактором которого Вы были любезны пригласить меня. Прежде всего, я позволю себе начертать тот план, которого я намерен держаться в своей работе в „Биржевых ведомостях“. Критический отдел газеты распадается на 3 основных рубрики: отдел библиографический, отдел литературного фельетона и, наконец, отдел художественной критики. Из них отдел библиографический является совершенно новым для газеты. Таким разделением я обнимаю всю литературно-художественную жизнь и имею возможность наилучшим образом пользоваться сотрудничеством литературных и умственных сил, известных мне в данное время, по вопросам специально их интересующим — в отделе библиографии, как и по вопросам более общего характера — в отделах фельетона и художественной критики. Как Вам известно, нами был разослан ряд приглашающих писем наиболее видным и ценным работникам в области литературы, науки и искусства, и, несмотря на краткость срока, мною уже получены в высшей степени сочувственные ответы от 60 лиц, что исчерпывает весь список, мною предварительно составленный.

В интересах дела я прошу Вас ознакомиться с полным списком литераторов, изъявивших готовность работать под моей редакцией: Булгаков, Бердяев, Гершензон, С. Маковский, Либрович, проф. Котляревский, Рерих, Лернер, Долгов, проф. Люблинский, Брюсов, проф. Карташов, Э. Браудо, Болдырев, проф. В. Струве, Р. Вальтер, д-р Погорельский, проф. Ветров, Переперкович, А. П. Нурок, проф. Зелинский, А. А. Блок, А. А. Подгаевский (Москва), проф. Б. А. Тураев, проф. Н. Лосский, Н. Л. Шапир, прив.-доц. Гвоздев, проф. Волков, кн. В. В. Кекуатов, проф. Ф. Батюшков, С. А. Андреевский, прив.-доц. гр. И. И. Толстой, М. Глинский, М. Кузмин, Б. Шлецер, В. А. Дмитриев, проф. Кутыловский, пр.-доц. Леонтьев, Ек. Максимова, Н. Э. Радлов (художник), Н. Гумилев, проф. В. Тотомианц, П. Этингер (Москва), прив.-доц. Викентьев, П. Столпянский, Сергей Радлов (филолог), проф. М. К. Названов, С. П. Семенов (секретарь Родзянко), проф. Сокольский, Б. Томашевский, Я. Тугендхольд, Я. Тетин, ген. Опушкин, П. А. Виленский, И. И. Ясинский, П. Д. Успенский, Г. И. Чулков, Д. С. Мережковский, А. Л. Волынский.

От всех этих лиц, кроме 2–3 человек, с которыми я говорил лично, мною получены письменные извещения, в полной мере подтверждающие их готовность регулярно работать для газеты.

Список этот еще не закончен. Я держусь того мнения, что необходим возможно большой набор сотрудников, чтобы придать отделам полноту и разнообразие содержания, зависящего от индивидуальной оценки различных сотрудников. Так, например, в нашем списке имеется ряд литературных и художественных критиков. Мережковский, Батюшков, Волынский, Гершензон, Блок, Брюсов, Кузмин и т. д. Для художественного отдела — Тугендхольд,

кажется, это мечта Проппера. То можно представить, какой тут конфликт» (Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / Отв. ред. А. А. Холиков. М., 2021. С. 392). В письме упомянуты журналист Александр Лазаревич Стембо (1879–1917) и Максимилиан Станиславович Проппер — сын издателя и редактора газеты «Биржевые ведомости».

Маковский, Ясинский, Радлов, Тепин и т. д. По вопросам польской литературной критики — Кутыловский и Глинский. Представителями исторических наук являются: проф. Тураев, проф. Волков, Викентьев и друг. Филологи — гр. Толстой, Зелинский, Радлов, Гвоздев и др. Кроме того, просматривая список, Вы не могли не заметить, что в нем имеются видные представители юриспруденции, экономической науки, естествознания (в данной области список будет значительно расширен), наук социальных (подлежит еще расширению) и т. д.

Я не даю характеристики отдельным лицам, но могу с уверенностью утверждать, что тут нет ни одного имени, взятого только для вывески, и что мы имеем дело с выдающимися работниками в отдельных областях науки, литературы и искусства. Сотрудники были мною подобраны с чрезвычайной тщательностью, после долгих обдумываний, и я очень дорожу и даже считаю это за *condition sine qua non*,¹⁶ чтобы их ансамбль не был замутнен никакими случайными и посторонними примесями. В настоящее время на мое имя поступило, кроме сданных уже в печать и появившихся в „Биржевых ведомостях“, следующие 21 статья: Ветрова, Бердяева, Гершензона, Лятского, Рериха, Долгова, проф. Волкова, проф. Тотомианца (3 статьи), Либровича (2 статьи), Шледера (2 статьи), Вальтера, О. Шапир (о Толстом), Нурок, Дмитриева, проф. Люблинского (2 статьи), Волковича и Столицы (о детской литературе).

Однако, большинство авторов, и среди них те, которые меня особенно интересуют, обещали прислать свои статьи и библиографические отзывы лишь по возвращении в Петроград, после летних каникул. К последней категории относятся: проф. Лосский, проф. Тураев, Ф. Батюшков, Д. С. Мережковский, С. Маковский, Булгаков, Зелинский, Котляревский, гр. Толстой, С. Андриевский, А. Блок и др. Как видите, организация, представлявшая большие трудности, — трудности эти я надеюсь преодолеть в полной мере — еще не закончена и не может быть закончена по условиям летнего времени. О своих собственных работах и работах ближайших сотрудников говорить не приходится. Само собою разумеется, что все необходимое для процветания отдела будет сделано с возможной тщательностью и быстротой. Лично я буду давать по 2 фельетона в месяц, рассчитывая впоследствии довести количество их до 4-х за тот же промежуток времени. Этот обычай еженедельного фельетона относится к добрым традициям русской газетной критической литературы и признается мною вполне целесообразным.

Вот почему я не могу полностью присоединиться к Вашему желанию приступить немедленно к выпуску новых отделов. Я сам горю нетерпением увидеть осуществленными в Вашей газете наши общие реформаторские планы, но необходимо все же накопить еще некоторые литературные резервы, чтобы впоследствии в процессе труда черпать из них щедрой рукой и, главное, не быть в зависимости от статей случайных авторов и случайного характера. По моим соображениям и судя по письмам моих корреспондентов, я могу рассчитывать к концу августа на полный сбор необходимых статей. К этому времени и возможно будет приступить к работе по выпуску номеров.

Значительным реформам я намерен подвергнуть и театральный отдел. Обычную хроникерскую осведомленность я уже заменяю — и впредь намерен делать то же самое — интеллигентной художественной информацией, идущей из первоисточников. Я заручился в этом отношении содействием целого ряда частных и казенных учреждений, что даст нам возможность обставить этот отдел, с начала сезона, с небывалой полнотой. Думаю, что подобного рода театральная хроника окажется влиятельным, живым и интересным элементом

¹⁶ неперемное условие (*лат.*)

газеты. Кроме того, несколько лиц, внушающих мне полное доверие своей работоспособностью, предложили мне свое участие в отделе „Театр и музыка“ в качестве информаторов и рецензентов. Должен признаться, что есть одно большое место, о котором, к сожалению, не могу умолчать в этом конфиденциальном письме. Этот больной пункт — полная отсталость музыкальной критики, не отвечающей даже отдаленным потребностям газеты в ее настоящем виде. Если бы и в этом щекотливом вопросе я чувствовал себя вполне свободным, то я не усомнился бы немедленно заменить крайне небрежные, временами недобросовестные, как мне кажется, даже написанные чужой рукой, репортерские заметки более подходящим и достойным „Биржевых ведомостей“ материалом. Но в данном вопросе я продолжаю ждать инициативы от Вас.

Как видите, короткое время моего редакторства проходит в чрезвычайно напряженной работе. Я полагаю, что она могла бы дать гораздо более скорые результаты, если бы в моем распоряжении, кроме превосходного и культурного помощника Е. М. Браудо, соединяющего в своем лице знание литературного мира с исключительной работоспособностью и умением чутко выполнять мои требования и замыслы, касающиеся газеты, если бы в моем распоряжении были еще 3 фактора:

- 1) телефон, что абсолютно необходимо в интересах быстрого осведомления театрального и литературного отдела;
- 2) пишущая машинка;
- 3) барышня, дежурящая специально для моих распоряжений от 5–8 часов вечера.

Последнего требует огромная, постоянная и все возрастающая переписка, и — главное — быстрота работы, необходимая в интересах газеты». ¹⁷

Обстоятельно изложенные Волынским планы по реформированию литературно-критического отдела были в полной мере осуществлены. 2 сентября в газете был опубликован анонс отдела «Критика и библиография», в котором кратко были изложены планы и задачи отдела и уточнен круг привлеченных авторов. ¹⁸ Началась интенсивная работа, собранные за лето внушительные материалы редакционного портфеля стали регулярно появляться на столбцах газеты. Как правило, «подвальные» фельетоны шли по пятницам и субботам, а рубрика «Критика и библиография», наполняемая небольшими библиографическими заметками, выходила по воскресеньям. В первые месяцы работы Волынского сразу наметился определенный стиль отдела. В фельетонной части стали доминировать историко-литературные статьи («Л. Н. Толстой и его брат» М. О. Гершензона, «Английские писатели о русской культуре» акад. П. Г. Виноградова, «Критика наших дней и Некрасов», «Две забытые годовщины (Новые материалы для биографии Д. И. Писарева)» В. Е. Максимова (публиковавшего в «Биржевых ведомостях» под псевдонимом В. Евгеньев), «Новооткрываемый Пушкин» В. Я. Брюсова, «О Мицкевиче: генезис Гражины» Ф. Ф. Зелинского, «К. Н. Леонтьев (К 25-летию со дня его смерти)» В. Сперанского), а также публикации с философским уклоном («Очарования отраженных культур» Н. А. Бердяева, «Новое религиозное сознание» А. А. Мейера, «Бергсон» Н. О. Лосского). ¹⁹

¹⁷ Волынский А. Л. Письмо к С. М. Пропперу. Начало августа 1916 года // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 15–17. Отдельные уточнения сделаны нами по черновику письма (Там же. Л. 5–19).

¹⁸ См.: [Волынский А. Л.]. Критика и библиография: От редакции // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 2 сент. № 15777. С. 3.

¹⁹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 9 сент. № 15791. С. 2; 5 окт. № 15845. С. 2; 14 окт. № 15861. С. 3; 21 окт. № 15903. С. 2; 4 окт. № 15843. С. 2; 1 нояб. № 15931. С. 3; 25 нояб. № 15945. С. 3; 30 сент. № 15875. С. 2; 29 окт. № 15889. С. 3; 23 дек. № 16001. С. 3.

Раздел «Критика и библиография», составляемый из рецензий авторов разных направлений и школ, представлял читателю широкую палитру книжных новинок. Здесь прошли рецензии на последние издания модернистов: Жирмунский откликнулся на выход «Anno mundi ardentis» М. А. Волошина, Б. Ф. Шлецер дал рецензию на «Борозды и межи. Опыты эстетические и критические» Вяч. И. Иванова.

И. И. Ясинский в нескольких заметках о новинках современной беллетристики и публицистики задел своим колким пером А. В. Амфитеатрова и его новую книгу «Свет и сила», откликнулся на книги «Записки декабриста» И. И. Горбачевского, «Ремесло сатаны» Н. Н. Брешко-Брешковско-го. Здесь же прошли рецензии на книги И. С. Шмелева «Суровые дни», Б. К. Зайцева «Земная печаль» (обе — А. А. Гвоздева), Г. В. Адамовича «Облака» (В. М. Жирмунского).²⁰

Среди прочих материалов в отделе библиографии выделялись новизной статьи молодых исследователей, составивших впоследствии цвет отечественной филологической науки, Б. М. Эйхенбаума («Н. М. Карамзин», «М. А. Кузмин», «Литература в средней школе», «К вопросу о звуках стиха»),²¹ В. Е. Максимова («В. И. Семевский как редактор»),²² В. М. Жирмунского («Англичанин на русском фронте» о книге Гью Вальполя «Темный лес»).²³

Практически все наиболее заметные книжные новинки философии, юриспруденции, социологии, поэзии и прозы 1916 года были отмечены в выразительных рецензиях блестящего авторского коллектива. Такое разнообразие достигалось еще и тем, что Волынский старался давать «голос» в газете новым авторам, «придерживая» время от времени материалы бывалых хроникеров, интенсивно поставлявших свои материалы в редакцию. На этой почве возникали небольшие конфликты, которые, впрочем, быстро умирялись в объяснительных письмах, сохранившихся в архивах авторов-сотрудников, по ним можно составить представление о работе Волынского в «Биржевых ведомостях». Показательно в этом отношении письмо Волынского к Ясинскому от 15 октября 1916 года: «Никаких авторов я не только не собираюсь мариновать, но, напротив того, я горячо заинтересован в скорейшем появлении их статей в „Биржевых ведомостях“. Предметом моих самых тщательных забот явится также сжатая, но осведомленная хроника — вне пятницы — о новейших событиях науки, искусства, театра и литературы. Как имела уже возможность редакция убедиться, я все газетные даты стараюсь обслужить статьями даже в таких случаях, которые, в сущности говоря, не входят в круг моих непосредственных обязанностей. Единственное, что всегда меня беспокоило до сих пор, это свобода литературной работы, как моя собственная, так и ближайших моих сотрудников по отделу критики и библиографии. Но будем надеяться, что все препятствия в этом направлении устранятся с течением времени. Больше прибавить, кажется, нечего. Все мы вместе заботимся о процветании газеты, и, в конце концов, всякие недоразумения при сознании общности этого интереса — интереса литературного достоинства органа, в котором мы работаем — могут быть легко и гармонически разрешены к общему удовлетворению. Во всяком случае, я лично пришел в „Биржевые ведомости“ с желанием поднять отделы, вверенные моим попечениям, до возможной высоты. Не могу не выразить Вам, дорогой Иероним Иеронимович, моей сердечной благодарности за Ваше глубокое дружеское участие в этом деле. Но дело это наше общее — дай Бог, чтобы долгие годы и для укрепления наших связей

²⁰ Там же. 7 окт. № 15847. С. 5; 9 дек. № 15973. С. 5; 14 окт. № 15861. С. 5.

²¹ Там же. 2 дек. № 15959. С. 5; 11 нояб. № 15917. С. 7; 16 дек. № 15987. С. 5.

²² Там же. 7 окт. № 15847. С. 5.

²³ Там же. 16 дек. № 15987. С. 5.

с „Биржевыми ведомостями“. Что же касается Вашей готовности писать и работать для моего отдела, то я приветствую ее от всего сердца. Помогите, чем хотите и как хотите».²⁴

В этом письме уточняется круг обязанностей Волынского, редактировавшего пятничные фельетон, кроме этого — составление раздела «Критика и библиография», ведение рубрик науки, искусства, театра и литературы, а также редактирование беллетристического отдела. Большая организационная работа, обширная переписка с авторами практически не оставляли времени на собственное творчество. Между тем Волынский продолжал писать небольшие заметки-впечатления о балетных спектаклях. Критик надеялся на долгое и плодотворное сотрудничество с изданием, строил большие планы в отношении вверенного ему отдела. Но всем этим задумкам не суждено было сбыться.

Чуть больше полугодом просуществовал отдел «Критика и библиография» под редакцией Волынского, после Февральской революции вся масштабная деятельность была свернута. В газете появилась рубрика «Искусство в дни революции», объем которой не превышал двух столбцов газетного листа. В основном здесь публиковались короткие рецензии на театральные постановки, сообщалось о новостях из мира искусства; литературная критика была представлена по большей части обзором юбилейных дат. По-видимому, в перспективе Волынский замыслил возрождение литературно-критического отдела. Накануне Октябрьской революции в «Биржевых ведомостях» появилось обращение редактора с просьбой к издателям и авторам книг и брошюр «доставлять таковые для помещения сведений о них в особой рубрике настоящего отдела».²⁵ Но политическая обстановка в стране не позволила воплотить задуманное: в октябре 1917 года «Биржевые ведомости» после выхода «Декрета о печати», наряду со многими другими буржуазными изданиями, прекратили свое существование.

Оценка преобразований, осуществленных Волынским в «Биржевых ведомостях», не однозначна. Ясинский, например, считал, что газета велась в «серых тонах»: «...профессора разводят скуку, а малодаровитые репортеры возведены в передовики и фельетонисты, соперничают друг с другом в банальной фразеологии».²⁶ Неоднозначно высказался Эйхенбаум, познакомившийся с Волынским в 1916 году, когда, по его мнению, «судьба довела его (Волынского. — А. С.) до Проппера»: «От него уже тогда веяло сухим жаром пустыни, и мне было жутко смотреть на него и слушать его нервную и странно-торжественную речь. Я постарался скорее уйти из душной <...> комнаты „литературного отдела“, хотя Аким Львович говорил мне комплименты».²⁷

В ином ключе откликнулся Э. Ф. Голлербах, отмечавший, что Волынский «много сделал для улучшения и расширения» литературного отдела газеты. Такого же мнения придерживаются современные исследователи, положительно оценивая преобразования, отмечая, что литературно-критическая часть печатного органа производила впечатление «превосходного <...> отдела толстого журнала, а не газеты».²⁸

²⁴ Волынский А. Л. Письмо к И. И. Ясинскому. 15 октября 1916 года // РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 555. Л. 1–2.

²⁵ Волынский А. Обращение // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 17 сент. № 16147. С. 5.

²⁶ Переписка Л. Н. Андреева с И. И. Ясинским / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3. С. 83.

²⁷ Эйхенбаум Б. Из впечатлений об А. Л. Волынском // Памяти Акима Волынского: Сборник / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. С. 44.

²⁸ Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.; Иерусалим, 2012. С. 392.